Проф. М. И. Артамонов

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СКИФОВ

Из нескольких версий происхождения скифов, известных Геродоту, и он сам и вслед за ним большинство современных историков наиболее вероятной считали ту, согласно которой скифы в конце VII в. до н. э. вторглись в Европу из Азии. Северное Причерноморье до скифов занимали будто бы киммерийцы. Скифы не только изгнали киммерийцев из этой страны, но, преследуя их, сами проникли в Переднюю Азию и в течение 28 лет держали в страхе и подчинении наиболее культурные и могущественные страны древнего Востока. После этого они вернулись в отнятое у киммерийцев Северное Причерноморье и обосновались здесь на несколько столетий (Herr., IV, 11—12, I, 103—106, 1—4)[1].

Клинописные памятники Ассирии, в которых нашлись сведения о киммерийцах и скифах [2], показали, что данные Геродота о тех и других не отличаются точностью. Эти памятники позволили существенным образом изменить старые представления о взаимоотношениях скифов с киммерийцами и вместе с тем уточнить действительное содержание тех событий, которые легли в основу легендарного рассказа Геродота. Оказалось, что киммерийцы появились в Передней Азии, на северных границах Ассирии, задолго до появления там скифов. Киммерийцы упоминаются в ассирийских памятниках еще в конце VIII в.[3], тогда как первые сведения о скифах в Передней Азии относятся к 70-м годам следующего, VII, столетия[4]. Уже одна эта почти полусотлетняя разница в сроках выступления тех и других на историческую арену исключает то объяснение их вторжения в Азию, которое содержится в рассказе Геродота. Несостоятельность этого рассказа в данном отношении становится совершенно несомненной при учете того, что киммерийцы и скифы выступают в Передней Азии не врагами, как их рисует Геродот, а союзниками [5]. В VII в. до н. э. на Ассирию нападали с севера и киммерийцы, и скифы, и ряд других местных племен, временами образовывавших мощные коалиции, угрожавшие не только спокойствию, но и самому существованию этого, казалось бы, столь мощного государства.

---

[1] См., например, «История СССР, т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в.», под ред. акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. С. В. Бахрушина и проф. В. Н. Лебедева, изд. 2-е, 1948, стр. 15.

[2] Waterman, Royal Correspondence of the Assyrian Empire, I—II, 1930; J. A. Knudtzon, Assyrische Gebete an den Sonnengott, I—II, 1893; E. Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek, II, 1890.

[3] Waterman, ук. соч., № 146, 197, 1079 (ВДИ, 1947, № 1, стр. 266—267).

[4] Schrader, ук. соч., II, 129; Knudtzon, ук. соч., II, № 35 (ВДИ, 1947, № 1, стр. 270).

[5] Waterman, ук. соч., II, 1257; Knudtzon, ук. соч., II, № 35.

Нет надобности заниматься детальным сопоставлением ассирийских известий о киммерийцах и скифах с рассказом Геродота, чтобы убедиться, что в последнем мы имеем дело с легендой, весьма далекой от действительности. Историческая наука, принимавшая эту легенду за подлинную историю, впадала в грубейшее заблуждение, и не чем иным как таким же заблуждением следует признать и те современные построения, которые пытаются примирить показания Геродота с данными клинописных памятников. Так, например, Б. Н. Граков утверждает, что кочевые скифы появились в северо-черноморских степях еще в IX—VIII вв. до н. э. До конца VII в. они жили в соседстве с киммерийцами и бок о бок выступали в известиях, относящихся к этому времени. Из дальнейшего изложения этого автора следует, что внедрение скифов в Причерноморье было постепенным и что только после изгнания их из Передней Азии, после 616 г., они окончательно утвердились в Поднепровье, частично смешавшись с остатками киммерийцев в виде местного населения[1].

Приведенное построение истории Причерноморья в первые века I тысячелетия до н. э. не подтверждается никакими фактическими данными и представляет собою лишь некоторую модификацию традиционного, восходящего к Геродоту, представления о происхождении скифов с тем лишь отличием, что Геродот, выдвигая свою версию, не замалчивал и другой, по которой скифы были исконным местным населением Приднепровья. Древность скифов в Причерноморье, восходящая к IX—VIII вв., выводится Б. Н. Граковым из упоминания «доителей кобылиц» и «млекоедов» у Гомера; совместное жительство их с киммерийцами обосновывается тем, что последние упоминаются в «Одиссее», также приписываемой Гомеру. Несерьезность этих доводов настолько очевидна, что нам нет надобности заниматься их критическим разбором.

Следует признать, что письменные источники дают нам очень мало достоверных сведений о древней истории скифов. Совершенно несомненно лишь одно, а именно, что в 70-х гг. VII в. они появляются в Передней Азии и вместе с киммерийцами и другими народами участвуют в событиях, заканчивающихся падением Ассирии и образованием Мидийского царства, а затем, уже в греческих известиях, выступают в качестве одного из наиболее значительных образований в Северном Причерноморье. Сведения Геродота об их отношениях с киммерийцами и о мотивах похода в Переднюю Азию насквозь легендарны и не подтверждаются другими, более достоверными источниками. Само собой разумеется, что при такой оценке рассказа Геродота ставится под сильное сомнение и его версия происхождения скифов, якобы вторгшихся в Причерноморье из Азии, из-за Аракса.

Как известно, Геродот (IV, 5—10) одновременно передает и другую версию происхождения скифов, которую он сообщает даже в двух вариантах — греческом и скифском. По этой версии, скифы в Приднепровье ниоткуда не приходили, они — исконное население, родственное соседним этническим образованиям — фракийцам, к числу которых относятся агафирсы, и гелонам, часть которых, вероятно, составляли авхеты, занимавшие Побужье. Собственно скифами в этой легенде выступает нижнеднепровское население, к которому относятся наименования «сколоты» и «паралаты»[2]. Мы, к сожалению, не можем с полной уверенностью связать эти два наименования с определенными частями нижнеднепровских скифов, которые здесь различает Геродот, а именно: скифами-царскими, или

[1] Б. Граков, Скіфи, Київ, 1947, стр. 13 сл.

[2] М. И. Артамонов, Этногеография Скифии, УЗЛГУ, Сер. истор. наук, № 13; он же, Археология, Л., 1949, стр. 129 сл.; он же, Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, 1947, № 3, стр. 76.

сайями, скифами-номадами и скифами-земледельцами. Эти группы занимали так называемую «Древнюю Скифию», вероятно, Скифию в собственном смысле, из чего, конечно, не следует, что все ее население было вполне однородно и одного и того же происхождения. Уже самый факт распадения этого населения на три группы, из которых две не различались между собой даже по образу жизни и хозяйству и обе были кочевыми, свидетельствует о возможности предполагать в этом разделении следствие различного происхождения и, в частности, вторжения какой-то из этих групп в Древнюю Скифию извне. Эта группа и могла бы быть той, которая явилась сюда с востока и появление которой могло послужить основою для легенды о происхождении скифов из Азии, той легенды, которую Геродот, а вслед за ним и другие историки считают почему-то наиболее достоверной, собственно даже единственной, заслуживающей доверия. Между тем, как мы видели, эта легенда не может считаться в большей степени достоверной, чем другие, и может быть принята во внимание при решении вопроса о происхождении скифов лишь постольку, поскольку принимаются во внимание и другие. В ней, как и в других, может заключаться рациональное зерно. Задача исторического исследования в данном случае как раз и заключается в том, чтобы установить реальную основу легенд о происхождении скифов. Поскольку письменных данных для этой цели явно недостаточно, разрешить эту задачу можно только с помощью археологии.

Связь скифской культуры с доскифской или, как ее называют некоторые исследователи, киммерийской культурой выражается в пережитках некоторых свойственных последнему культурных традиций даже в позднескифское время и настолько очевидна, что даже наиболее упорные сторонники азиатского происхождения скифов вынуждены вносить существенный корректив в картину появления скифов в Причерноморье, нарисованную Геродотом, допуская, что киммерийцы далеко не полностью выселились в Малую Азию. Часть туземного населения, по их мнению, осталась на старых местах и смешалась с пришельцами, придав их культуре локальные черты[1].

Допустим, что это так, что явившиеся из Азии скифы в культурном отношении настолько подчинились туземным традициям, что утратили даже свойственный им, как особому этническому образованию, свой обряд погребения и стали хоронить своих покойников так же, как это до них делали туземцы. В степном Поднепровье они восприняли от местного населения древний обычай устраивать могилу в виде подземной камеры (катакомбы) или же погребать покойника в облицованных и перекрытых деревом или камнем ямных могилах, причем в разных местах степного Поднепровья и Крыма по-разному. В Поднестровье они, как и туземцы, сооружали каменные могилы и то полагали покойников в скорченном виде, то сжигали. В Среднем Поднепровье устраивали столбовые деревянные камеры и т. д. Общими для всех них, оказывается, являлись не формы могильного сооружения, не обряд похорон и даже не образ жизни, так как в соответствии с разделением местного населения на земледельцев и скотоводов часть скифов продолжала кочевать, часть же поселилась в укрепленных поселениях (городищах), а только некоторые типы оружия, конского снаряжения и личного убора, в украшениях которых видное место занимали изображения животных. Эти-то явления и составляют то, что именуется скифскою культурою, причем, однако, совершенно очевидно, что скифскою она может называться лишь весьма

[1] Б. Граков, Скіфи, Київ, 1947, стр. 21.

условно, так как совершенно такие же формы, такой же звериный стиль распространены далеко за пределами Скифии.

Все, что мы знаем о возникновении так называемой скифской культуры, говорит о ее местном, в первую очередь причерноморском, происхождении. Древнейшие памятники скифского типа, такие, как Келермес или Мельгуновский клад, происходят из предгорий Кавказа и из степей Поднепровья; в Средней Азии и в Сибири нет ничего, что бы в смысле древности можно было им противопоставить. С другой стороны, у нас нет решительно никаких оснований ставить возникновение скифской культуры на Алтае в зависимость от Причерноморья. Очевидно, и тут и там и в ряде других мест она возникает независимо, как результат развития в сходных исторических условиях, в числе которых, несомненно, немаловажное, можно сказать, решающее, значение имел древний Восток, при наличии взаимосвязей и взаимодействий между различными племенами, по преимуществу степной Евразии. Скифская культура, следовательно, в принятом нами выше смысле — признак не этнический и не может ни в какой мере служить доказательством распространения скифов как таковых. А если это так, то и в собственно Скифии с ее различным этнографическим и, должно быть, и этническим составом скифская культура не представляет особого этнического элемента, даже растворившегося в местной среде и только определенным образом окрасившего ее этнические культуры. Таким образом, от якобы принесших ее сюда скифов решительно ничего не остается, и мы оказываемся и здесь перед лицом не одной, а нескольких этнических культур, объяснить которые мы можем лишь изучив местное, доскифское развитие.

Если основываться на археологических материалах скифского и непосредственно предшествующего ему времени, то никаких оснований для предположения о появлении скифов в Поднепровье в результате нашествия извне, тем более из Азии, не обнаруживается. Скифы, притом не только племена западной, земледельческой Скифии, но и кочевые племена степного Поднепровья или древней Скифии, оказываются не пришлым, а древним местным населением со старыми местными этно-культурными традициями. Таким образом, реальная основа устанавливается только для одной из версий происхождения скифов, содержащихся в легендах, сохраненных Геродотом, а именно той, по которой их происхождение связывается с Днепром, по которой они представляют собой древнейших обитателей этой страны, детей ее змееногой богини-женщины, самым образом своим олицетворявшей мать-сырую землю и ее производительные силы.

Такое заключение, однако, не может нас удовлетворить, так как трудно согласиться с тем, что вторая версия происхождения скифов не имеет под собой никаких оснований и что Геродот без серьезных поводов отдал ей свое предпочтение. Что версия о вторжении скифов в Причерноморье не была выдумана Геродотом, мы знаем из его же ссылки на поэму «Аримаспея» Аристея Проконесского (Herr., IV, 13), написанную, по сведениям Геродота, еще в VII в. до н. э. Возможно, что именно этим освящением литературной традицией объясняется предпочтение, которое ей отдал Геродот. Однако Геродот не слепо следовал за Аристеем. У последнего скифы были вытеснены исседонами — «многочисленными и очень доблестными воинами, богатыми конями и стадами овец и быков», и «чванящимися своими длинными волосами»[1]. По Геродоту же, (I, 304) скифов из Азии вытеснили не исседоны, а массагеты, которых он помещает на восточной стороне Каспийского моря, т. е. в Кара-Кумах. Что касается

[1] Фр. 2—4 (ВДИ, 1947, № 1, стр. 298).

исседонов, то они, по Геродоту, обитали «против» массагетов и к востоку от живших у южной оконечности Урала агрипеев (плешивых) (Herr., I, 201; IV, 25), т. е. в нынешнем Казахстане. Отступление от Аристея свидетельствует, что легенда об азиатском происхождении скифов представляет собою не мертвую литературную традицию, а живое предание, с которым Геродот мог познакомиться в Ольвии в форме, отличающейся от той, которая была зафиксирована в «Аримаспее».

В совершенно особом, отличном и от Геродота и от Аристея, виде эта легенда об азиатском происхождении скифов появляется у Диодора Сицилийского, автора, писавшего во второй половине I в. до н. э., но использовавшего для своего труда более древние, в том числе и боспорские, исторические сочинения. О скифах в его «Библиотеке» говорится, что «они сначала занимали незначительную область... у реки Аракса..., но еще в древности под управлением одного воинственного... царя приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях—прибрежия Океана и Мэотийского озера и прочие области до реки Танаиса. Впоследствии,— продолжает Диодор,— по скифским преданиям, появилась у них рожденная землею дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя змеиная. Зевс, совокупившись с нею, произвел сына, по имени Скифа, который, превзойдя славою всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами. В числе потомков этого царя были два брата, отличавшиеся доблестью: один из них назывался Пал, а другой — Нап. Когда они совершили славные подвиги и разделили между собою царство, по имени каждого из них назвались народы: один палами, а другой напами. Спустя некоторое время потомки этих царей, отличившиеся воинственностью и стратегическими талантами, подчинили себе обширную страну за рекою Танаисом до Фракии и, направив действия в другую сторону, распространили свое владычество до египетской реки Нила»[1].

Нетрудно заметить, что рассказ Диодора представляет собою сильно осложненную контаминацию обеих версий происхождения скифов в легендах, очевидно, живших в туземной среде и сохраненных нам Геродотом, но ставших известными Диодору или его боспорскому источнику, вероятно, не через Геродота, а другим путем. Совершенно новым в этом рассказе является сообщение о разделении скифского царства между двумя братьями — Палом и Напом, именами которых якобы стали называться подвластные им народы. Потомки этих царей простерли свои завоевания на запад за реку Танаис до Фракии и на юг до реки Нила. Здесь опять нельзя не усмотреть отражения тех же сведений, которые содержатся у Геродота, а именно, о подчинении скифами Причерноморья и о походе их в страны древнего Востока, сведений, сходных, но независимых от Геродота. Ввиду этого особый интерес вызывают «палы», имя которых напоминает потомков Скифа (Колаксая) одной из геродотовских легенд — паралатов. При сближении этих наименований появляется возможность именно этих скифов-паралатов, или палов, считать теми завоевателями, которые вторглись в Причерноморье и под именем скифов-царских, или сайев, обосновались на нижнем Днепре, поставив в зависимость от себя другие местные — как кочевые, так и оседлые — племена обширной страны, получившей наименование Скифии, хотя едва ли по имени пришельцев.

Все это, конечно, не больше чем гипотеза, вытекающая из сопоставления различных вариантов легенд о происхождении скифов и из предположения, что содержащаяся в них версия о появлении скифов из Азии

[1] Диодор Сицилийский, Библиотека, II, 43 (ВДИ, 1947, № 4, стр. 250—251).

должна иметь какое-то реальное основание. Как было уже сказано, археологические данные скифского и непосредственно предшествующего ему времени таких оснований не дают. Не представляют ли их того же рода данные, относящиеся к более ранней поре? Вот вопрос, который вполне уместен, принимая во внимание ту настойчивость, с которой письменная традиция указывает на азиатскую родину скифов.

Доскифское время в Северном Причерноморье представлено рядом культур медно-бронзового века, классификация которых была создана В. А. Городцовым [1]. Эта классификация выдержала ряд ревизий и блестяще закрепила свое право на существование. Лишь в одном отношении советская археология поставила ее под сильное сомнение и даже пыталась опровергнуть. Дело касается взаимоотношения между культурами городцовской классификации. В. А. Городцов, различая ямную, катакомбную и срубную культуры, утверждал, что они, хотя хронологически и следуют друг за другом в вышеперечисленном порядке, не переходят одна в другую. По его мнению, каждая из этих культур была в этническом отношении совершенно особой, и последовательная смена их означает смену населения на юге нашей страны. Вот этот-то пункт в классификации В. А. Городцова и был поставлен под сомнение нашей наукой и даже начисто отвергнут. Некоторые археологи настаивали на другом, а именно, что культуры городцовской классификации представляют собой последовательные этапы развития одного и того же населения. Из древнеямной культуры эволюционно возникает катакомбная, последняя также без изменений в этническом составе населения наших степей переходит в срубную [2]. Последующие наблюдения не оправдали этих взглядов.

Правда, О. А. Кривцова-Гракова в своей статье «Генетическая связь ямной и катакомбной культуры» пыталась доказать, что «ямная и катакомбная культуры неразрывно связаны между собой, причем катакомбная является непосредственным продолжением ямной»[3] или, другими словами, что «катакомбная культура произошла из ямной путем постепенного развития последней»[4]. Однако, на мой взгляд, ей так же, как ранее А. П. Круглову и Г. В. Подгаецкому, удалось показать совсем другое, именно, что ямная и катакомбная культуры в известных случаях сосуществовали и смешивались друг с другом. Что же иное можно вывести из приведенных О. А. Кривцовой-Граковой многочисленных случаев нахождения типичного катакомбного инвентаря в ямных могилах или, наоборот, вещей, характерных для ямной культуры, в катакомбных могилах, а равным образом из смешения форм ямного и катакомбного типов? Замечательно, что большинство примеров такого рода смешения относится к нижнему Поднепровью, т. е. к западной *окраине распространения катакомбной культуры, где она выступает в* значительно менее ярко выраженном виде, чем на Дону, в Бахмутском районе и в степях Азовско-Каспийского междуморья.

Много успешнее оказались исследования О. А. Кривцовой-Граковой по вопросу о генетической связи древнеямной культуры с культурою не катакомбной, непосредственно следующей за ней по классификации

---

[1] В. А. Городцов, Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ в 1901 г. «Тр. XII АС», I, стр. 208.

[2] В. И. Равдоникас, Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья, «Готский сборник», ИГАИМК, XII, вып. 1—8 (1932), стр. 49 сл.; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, Родовое общество степей Восточной Европы, ИГАИМК, вып. 119 (1935).

[3] «Труды ГИМ», VIII (1938), стр. 34.

[4] Там же, стр. 36.

В. А. Городцова, а с культурой срубной, казалось бы, отделенной от ямной значительным хронологическим промежутком.

В своей работе «Алексеевское поселение и могильник»[1] О. А. Кривцова-Гракова блестяще показала, что наиболее распространенная и типичная для срубной и родственной ей андроновской культуры баночная форма горшка представляет собою модификацию характерного остродонно-яйцевидного сосуда ямной культуры. И по ряду других признаков генетическая связь срубной культуры с древнеямною оказывается совершенно очевидной, причем в значительной части области своего распространения срубная культура выступает непосредственно вслед за ямной без промежуточного звена в виде катакомбной культуры. Последняя окончательно определилась как культура, свойственная только степной полосе от нижней Волги до Днепра, не заходящая к северу выше широты Сталинграда. В результате археологических исследований в Азовско-Каспийском междуморье и в степях между нижней Волгой и Доном было установлено и другое важное обстоятельство, а именно, что здесь катакомбная культура оставалась существовать и в то время, когда к западу от Дона в степях господствовала срубная культура[2]. В треугольнике, образованном нижними течениями Волги и Дона и основанием своим опирающимся на Кавказ, срубной культуры, оказывается, вовсе не было. Здесь встречаются только отдельные вещи, характерные для срубной культуры. Катакомбные могилы с сосудами, несомненно, представляющими традицию, свойственную катакомбной керамике, доживают здесь до самого конца медно-бронзового века.

Таким образом, катакомбная и срубная культуры — не последовательные этапы развития одного и того же общества, а действительно, как полагал и В. А. Городцов, особые этнические культуры, параллельно развивавшиеся приблизительно в одно и то же время, но на разных территориях и лишь частично наслоившиеся одна на другую. В то время, как катакомбная культура была распространена по южной полосе степей от Волги до Днепра, срубная культура занимала территорию к северу и востоку от нее — в бассейне среднего Дона и средней Волги, доходя на востоке до современной Чкаловской области, где она соприкасалась с близко сходною с нею и родственною андроновскою культурою степной Сибири. Уже В. В. Гольмстен заметила, что основные орнаментальные мотивы на катакомбной и срубной керамике одни и те же, с тем лишь различием, что в одном случае они переданы криволинейными фигурами, а в другом — прямолинейными[3]. Они отражают один и тот же круг космических представлений и развиваются параллельно между собой. Эти культуры сходны между собой, хотя типичные, наиболее развитые признаки срубной культуры формируются несколько позже соответствующих признаков культуры катакомбной. Полтавкинская ступень срубной культуры Поволжья еще отягощена рядом переживаний древнеямной ступени своего развития и не содержит еще некоторых признаков развитой срубной культуры, хотя по времени соответствует катакомбной культуре вполне выраженного типа.

На основании вышеизложенного мы должны притти к заключению, что срубная культура, перекрывающая культуру катакомбную в степях между Доном и Днепром, явилась сюда в результате вторжения, причем носители срубной культуры, очевидно, частично вытеснили, а частично

---

[1] «Труды ГИМ», XVIII (1948), стр. 159 сл.

[2] М. И. Артамонов, Раскопки курганов на Маныче в 1937 г., СА, XI (1949).

[3] В. В. Гольмстен, Об элементах орнаментации керамики родового общества юга СССР, ТОИПКЭ, I (1941), стр. 1 сл.

ассимилировали туземцев [1]. На Дону вытеснение было, повидимому, полным, в Поднепровье, кажется наоборот,— прилив нового населения был относительно небольшим, и старое население со своими ямными и катакомбными традициями сохранялось наряду с носителями срубной культуры.

Если все это так, то естественно поставить вопрос: откуда явилось население со срубною культурою в степи Причерноморья? Ясно, что оно пришло сюда не с Кавказа и не из Сальских и Астраханских степей, где срубной культуры не было, а из ближайших исконных областей этой культуры, со среднего Дона и Волги, т. е. по отношению к Причерноморью с северо-востока.

Еще Тальгрен высказал предположение, что срубная культура может представлять собою скифов, в дальнейшем утвердившихся в Поднепровье [2]. Это заключение он основывал главным образом на том, что в поволжской срубной, или, как ее иногда называют, хвалынской, культуре встречаются костяные трехгранные наконечники стрел, близко напоминающие типичные бронзовые стрелки скифского времени. Этого сходства, даже с присоединением сюда замечательных бронзовых втульчатых листовидных наконечников стрел в западном варианте андроновской культуры, конечно, совершенно недостаточно для обоснования гипотезы о скифах как носителях срубной культуры. Однако мысль о связи их со скифами мне представляется не лишенной вероятности, но по совершенно другим основаниям.

Мы видели, что в легендах о происхождении скифов упорно повторяется мотив о появлении их в Поднепровье из Азии, а так как вторжение срубной культуры в Причерноморье с востока — с Волги или из-за Волги является единственным фактом, хотя бы отчасти соответствующим условиям, данным легендою, естественно именно его и положить в качестве реального основания этой легенды.

Хронология срубной культуры в настоящее время еще не может считаться достаточно разработанной, особенно с точки зрения нового понимания ее не в качестве развития катакомбной культуры, а как культуры, возникшей независимо от катакомбной и развивавшейся в известной мере параллельно с ней. Тем не менее несомненно, что в том виде, в котором она появляется на Дону и в Поднепровье, срубная культура не старше самых последних столетий II тысячелетия до н. э. Этими столетиями, следовательно, и надлежит датировать то событие, которое в легенде изображалось в виде вторжения скифов в Причерноморье.

Само собой разумеется, что ко времени, когда скифы появились в поле зрения истории, от срубной культуры как таковой не осталось и следа. Еще в первые века I тысячелетия до н. э. в ней происходят существенные изменения, которые совершенно правильно установлены О. А. Кривцовой-Граковой в ее уже упоминавшейся работе «Алексеевское поселение и могильник». Она выделяет особый, самый поздний, этап развития срубной культуры, который предлагает именовать киммерийским. Этот этап характеризуется высоким развитием металлургии бронзы и представлен значительным количеством кладов или складов литейщиков, а равным образом многими находками отдельных бронзовых предметов. В керамике этого периода ведущее положение занимают сосуды с налепными валиками у основания шейки или даже у края венчика, причем валик украшается нарезными и вдавленными пальцами узорами. Существенно

[1] В. А. Городцов, Бронзовый век на территории СССР, БСЭ, VII, стр. 621.
[2] A. M. Tallgren, La Pontide préscythique après l'introduction des métaux, ESA, II H, 1926, стр. 223.

заметить, что такая керамика распространяется много шире области, занятой срубной культурой, и ложится в основу ряда форм сосудов скифского времени. Совершенно несомненно, что она сформировалась, по крайней мере в своих наиболее общих признаках, вне рамок срубной культуры как таковой.

С господством этой керамики исчезает один из наиболее ярких признаков срубной культуры, ввиду чего мы почти лишены возможности следить за ее дальнейшей историей. Срубная культура сливается с другими культурами, и в пределах этого нового единства намечаются группы, отнюдь не соответствующие тем древним культурам, из которых это единство образовалось. Таким образом, происходит становление новой культуры с рядом локальных вариантов, в которых если и сохраняются некоторые традиционные элементы старых культур, то в смешении с таким количеством новых признаков, которое исключает возможность рассматривать эти варианты в качестве простого и прямого продолжения более древних культур.

Скифы, как некое культурное единство и как отдельные племена, уже хотя бы в свете охарактеризованных археологических данных представляют собою результат сложного процесса развития многих более древних этно-культурных образований, и в каждом отдельном случае не легко, а во многих положительно невозможно определить тот главный этнический элемент, продолжением которого можно было бы считать ту или иную культурную группу. Поэтому самое большее, что мы можем сказать относительно участия носителей срубной культуры в образовании скифов, сводится к предположению, что их роль могла быть весьма значительной в формировании поднепровских скифов, т. е. тех именно, которые и по другим соображениям выступают в качестве первых претендентов на роль потомков скифов, по легенде вторгшихся из Азии.

Как мы видели, этот новый в Поднепровье этнический элемент, очень скоро смешавшийся, впрочем, со старым, был вовсе не азиатского происхождения, а представлял собою образование, возникшее в ближайшем соседстве с Причерноморьем, в северной части той же степной полосы. Происхождение его из Азии можно признать только при учете того, что эта часть света начиналась, по представлениям древних, сразу же за Доном (Танаисом). Правда, у Геродота рекою, из-за которой вышли скифы, является Аракс, причем в других местах своего сочинения он этим именем определенно называет нынешнюю Аму-Дарью (Herr., I, 202). Однако в данном случае отождествление Аракса с Аму-Дарьей противоречило бы указанию самого Геродота относительно местожительства массагетов «за Араксом». Находясь между Араксом и Каспийским морем, они не могли вытеснить скифов из-за Аракса в Причерноморье, разве только сами до этого жили не в степях к востоку от Каспийского моря, а где-то в совершенно другом месте. По Аристею, врагами скифов были не массагеты, а исседоны, которые по своему местоположению еще меньше были в состоянии изгнать скифов из Средней Азии. Остается думать, что Аракс Геродота означает не Аму-Дарью, а какую-то другую реку, может быть, даже Волгу, тем более, что Араксом и теперь называется река в Закавказье; это название могло быть не собственным, а нарицательным, означающим реку вообще.

При всей разноречивости сведений Аристея и Геродота относительно врагов, которые заставили скифов покинуть свою страну и вторгнуться в Причерноморье, мы не вправе оставить их сообщения без внимания, тем более, что причина передвижения срубной культуры требует своего выяснения. Его легко было бы объяснить переходом к кочевому скотоводству и освоением в связи с этим степных просторов. Но ведь в действи-

тельности ничего подобного не было. Носители срубной культуры принесли в причерноморские степи не кочевое, а оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство, выразительными памятниками которого являются многочисленные поселения, обнаруженные в долинах степных рек. Можно даже думать, что хозяйство катакомбной культуры — исконного населения Причерноморских степей — было более скотоводческим и более подвижным, чем у сменившей ее срубной культуры. Но и оно не было кочевым. Настоящее кочевое скотоводческое хозяйство в степях возникает только вместе с началом скифской культуры. Собственно, и образование скифов, как таковых, можно мыслить только в связи со становлением этого нового типа хозяйства с его новой системой отношений между племенами и войной как важнейшей функцией племенной организации кочевников [1]. Ввиду вышеизложенного трудно было бы объяснить движение населения с оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством из лесо-степи и северной окраины степей в южную, несомненно, более засушливую часть степи только побуждениями внутреннего порядка. В данном случае приходится допустить давление извне.

Весьма соблазнительным представляется связать движение срубной культуры на юго-запад с появлением в восточных пределах распространения родственной со срубной андроновской культуры нового населения, с так называемой карасукской культурой [2]. Сейчас не может быть сомнения, что карасукская культура проникла в Минусинский край из пределов Северного Китая. Антропологически носители этой культуры своими монголоидными признаками существенно отличаются от европеоидного типа андроновцев [3]. Характерные формы карасукской культуры также резко отличаются от андроновских и не выводятся из последних. Несомненно, что пришельцы частично смешались с аборигенным населением и частично восприняли местную культуру, но возможно и даже вероятно, что часть туземного населения оказалась оттесненной на запад, поскольку именно в этом направлении происходило распространение и карасукской культуры, охватившей в большей или меньшей степени бассейн верхнего Енисея, Алтай и восточные области Казахстана. Толчок, который получили носители андроновской культуры в результате вторжения культуры карасукской, мог отразиться и на западе в виде движения носителей срубной культуры из Поволжья и среднего Дона в степи Причерноморья. Само собой разумеется, что это гипотетическое решение проблемы не претендует на бесспорность и является лишь первой попыткой определения путей дальнейшего исследования.

Итак, скифами, явившимися в Причерноморье из Азии под напором то ли массагетов, то ли исседонов, в свою очередь потесненных аримаспами (Аристей), были европейские носители срубной культуры. Соответственно со временем появления этой культуры в Причерноморье дату их вторжения надо относить не к VII в. до н. э., а к значительно более ранней поре, а именно, к последним столетиям II тысячелетия до н. э. Такая трактовка вопроса о появлении в Причерноморье, конечно, не скифов, как таковых, т. е. тех самых, которых знает Геродот и история, а одного из важнейших этнических компонентов скифского населения степного Поднепровья, мне представляется наиболее вероятной уже по одному тому, что никаких

---

[1] М. И. Артамонов, Вопросы истории скифов в советской археологии, ВДИ, 1947, № 3, стр. 70.

[2] С. А. Теплоухов, Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, «Мат. по этнографии», IV, вып. 2 (1929), стр. 44 сл.; С. В. Киселев, Советская археология Сибири периода металла, ВДИ, 1938, № 2, стр. 231 сл.

[3] Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948, стр. 77 сл.

данных о более поздних переселениях сюда в I тысячелетии до н. э., т. е. в непосредственно предскифское время, в археологии не имеется.

Но если это так, то срубную культуру в целом (и тем более последний период ее развития) нельзя называть киммерийской, как предлагает О. А. Кривцова-Гракова вслед за В. А. Городцовым [1]. Это наименование если и приложимо к памятникам Северного Причерноморья, то только к культуре катакомбной, предшествовавшей здесь срубной культуре, что отнюдь не исключает, а наоборот, подтверждает выставленное мной в одной из предшествующих работ положение, что собственно киммерийской является культура больших кубанских курганов [2]. Катакомбную культуру можно рассматривать только в тесной увязке с культурою Прикубанья, особенно с дольменами станицы Царской. Здесь был основной центр ее формирования, и отсюда исходили основные импульсы ее развития. Здесь были и сами киммерийцы, именем которых был назван Боспор Киммерийский, Киммерийские переправы и ряд других географических пунктов на Таманском и Керченском полуостровах. Они опередили в своем культурном развитии другие племена Причерноморья, рано связавшись с Закавказьем и через него с древним Востоком. Их наименование могло распространяться и на стоявших в тесной культурной зависимости от них носителей катакомбной культуры, в связи с чем вытеснение последних из Северного Причерноморья срубной культурой и могло послужить поводом для предания об изгнании скифами киммерийцев. Собственно же киммерийцы удержались на Кубани, с возникновением кочевого скотоводства первые начали грабительские походы через Кавказ в страны древнего Востока и были первыми творцами так называемой скифской культуры. Поднепровские скифы в своих вторжениях в Азию только следовали их примеру.

[1] О. А. Кривцова-Гракова, «Труды ГИМ», XVIII (1948), стр. 160 сл.; В. А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре, ИТОРАНОН, II, стр. 46 сл.

[2] М. И. Артамонов, Третий Размецный курган у ст. Костромской, СА, X (1948), стр. 177.